

Мария СЕДЫХ Слово под занавес

Лит. газ. - 1996 - 10 июля - с. 8

**“Остров рабов” П.Мариво.
Пикколо Театро ди Милано,
постановка Д.Стрелера**

Заметки на программке

ПОСТАНОВКА финала чеховского театрального фестиваля была беспронгишно точна. Да еще и щедря к тому же. Спектакль Джорджо Стрелера, завершивший в Москве свое двухгодичное европейское турне, за шесть вечеров могли посмотреть ВСЕ желающие. Он и был посланием ВСЕМ величайшего режиссера XX столетия.

Ясность, прозрачность, красота гармонии, чистота тона, изысканность пластики — все ласкало глаз и слух, позволяя расслабиться и наслаждаться, как можно наслаждаться пейзажем, открывшимся тебе не вдруг, а отмеченным в мировом путеводителе чудес света. Замечено, что знание о величии предмета облегчает приобщение к нему. Стоит лишь вспомнить, с каким благоговением переступаешь порог Лувра или Прадо, к примеру, предвкушая созерцание бессмертных полотен, чтобы понять, насколько верно такое наблюдение.

Проженный скептик, бравирующий тем, что он остался равнодушен к величю Моны Лизы, рискует нарваться на замечание в духе Фаины Раневской, отбросившей самобытного мыслителя крылатой фразой: “Эта дама уже давно сама выбрала, кому ей нравится, а кому нет”.

Живое искусство театра, испытующее на прочность вечные ценности из вечера в вечер, обречено постоянно завоевывать воинствующего оппонента Моны Лизы, возможно, скрывающегося в каждом из нас. На сценических подмостках чаще вспыхивают и сгорают кумиры, но редко и трудно упрочаются незыблемые авторитеты.

Зато здесь не бывает посмертной славы. Театральным классиком становятся только при жизни.

Стрелер — театральный классик. Мы знали это не понаслышке, мы сами трижды подписали такой вердикт, посмотрев “Слугу двух господ”, “Кампелло” и “Великую магию” и прочитав его книгу “Театр для людей”.

Теперь уже трудно сказать определенно, что было или будет сладостней — ожидание спектакля, воспоминание о нем или само его созерцание. Не все ли равно, ведь всеми испытанными чувствами мы обязаны Стрелеру.

Скорее всего урок, преподанный сказкой-притчей Мариво, останется для нас неутоленным. История двух пар — слуг и господ, потерпевших кораблекрушение и оказавшихся на острове, где по законам этой страны они обязаны поменяться ролями, чтобы, побывав в чужой шкуре, обрести новое мироощущение, вернувшись к прежней жизни, не показалась поучительной. Поучительность затмевалась

райской картиной песчаных дюн и пастельных пейзажей. Ее смысл очистительный: грибной дождь, пролившийся в финале на радость преобразившимся героям и блаженствующей публике. Шум дождя и аплодисментов слились в заключительном аккорде.

Спектакль Стрелера в Москве априори был обречен на успех, такой спектакль в истомленной выборами Москве был обречен на оглушительный успех. Возможно, только эта обреченность чуть отстраняла от увиденного. Впрочем, Стрелер — прямой ученик Брехта, и остротенность входит в арсенал его художественных средств...

Сам маэстро на фестиваль не приехал. В знак протеста. Нет-нет, его протест адресован не нам, что было бы для нас привычно, а властям родной Италии, не нашедшим средств для поддержки театра Пикколо и не сумевшим завершить строительство нового здания для театра, начатое в 1972 году. Надо было видеть растерянность участников пресс-конференции, на устах которых застыл лишь один немой вопрос, обративший на себя внимание: “Разве так бывает не только у нас? У Стрелера, самого Стрелера нет здания? Нет денег?” 3 мая режиссер подал заявление об уходе из театра, который создал и который возглавлял 50 лет...

Праздник закончился. Сотни персонажей фестивальных спектаклей ушли за кулисы, чтобы не вернуться никогда. Будем считать символическим, что последние слова, слова под занавес произнес на московской сцене грустный и мудрый философ маг Тривеллино, которого сыграл Ренато де Кармине — друг, соратник, артист Джорджо Стрелера. Все-таки это важно, за кем останется последнее слово.

В знак уважения к российской публике Стрелер прислал письмо, свое слово — нам. Прочтем его вместе, разделив с ним горечь и надежду.

**Москва, Россия, Европа,
Международный театральный фестиваль
имени Чехова**

Миссия театра “Пикколо” продолжается. Я очень опечален, что не могу быть вместе с вами, но я переживаю в данный момент серьезный кризис моей артистической карьеры. Я оставил театр “Пикколо” и Милан, когда мне стало очевидно, что в существующих условиях я больше

не в состоянии создавать то, что я чувствую и еще могу создавать.

Я боюсь, что это решение может оказаться окончательным, потому что на данный момент я не вижу ни одного конкретного проявления доброй воли, чтобы решить серьезные проблемы нашего театра, который уже работает пятьдесят лет. Если итальянские власти не окажут нам содействия, то они совершат серьезную ошибку.

Но что бы ни случилось, всегда наша жизнестойкость и любовь, наша грусть и наши взгляды оставались неизменными, обличая несправедливость нашего общества — того же “Острова рабов”. Это произведение задумано, чтобы сказать о многом, не дав это почувствовать, показать проблемы высшего порядка с блистательной легкостью и гуманизмом. Я счастлив, что мой спектакль и эта пьеса будут показаны еще раз в Москве, городе, который дорог для всех нас, где нас всегда согревают тепло человеческих сердец, дружелюбие и доверие.

В этот момент меня не будет с вами, но это не так уж и важно. Я здесь, вместе с актерами, в мизансценах, в световых эффектах, в каждом жесте и слове.

Мое художественное воплощение важнее моего личного присутствия.

И все же я надеюсь, что мы еще встретимся, или вместе с театром “Пикколо”, моим детищем, или же при других обстоятельствах.

Самое главное, поверьте мне, чтобы всегда существовал театр, чтобы он развивался и его любили зрители.

Мы, художники, всего лишь инструмент театральной поэзии. Именно в ней — сущность театра.

Еще раз хочу повторить, что я надеюсь, что это не последняя встреча.

От всей души обнимаю моих русских коллег и друзей, ведь все мы — члены многочисленной семьи, для которой не существует границ.

Всегда ваш

Джорджо СТРЕЛЕР

МИЛАН, 29 июня 1996 года